

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА В ЭТИКЕ И ПСИХОЛОГИИ

С.В. ВАРАВА

*Воронежская государственная
лесотехническая академия*

e-mail:
varava31@gmail.com

В статье рассматриваются особенности взаимоотношения этики и психологии, как дисциплин, претендующих на антропологическое лидерство в культуре. В этом контексте исследуются методологические и онтологические основания этики и психологии, выявляются черты их сходств и различий. Показано, что главная проблема человека ставится и решается по-разному в этих антропологически схожих дисциплинах.

Ключевые слова: этика, психология, массовая психологическая культура, философия, антропология, психические процессы, сознание, смысл жизни.

Современную эпоху М. Хайдеггер в статье «Гегель и греки» характеризует как эпоху, когда «...распад философии становится очевидным; ибо она растекается в логику, психологию и социологию. Эти самостоятельные сферы исследования обеспечивают за собой возрастающее значение и широкое влияние в качестве функциональных форм и эффективных орудий политически-экономического, т. е. в существенном смысле технического мира»⁴⁷.

Таким образом понятое появление психологии как самостоятельной отрасли знания, имеющей, по Хайдеггеру «возрастающее значение и широкое влияние», становится возможным в ситуации «распада философии». Значит ли это, что влияние психологии возрастает по мере убывания влияния философии? И если это так, то необходимо прояснить вопрос о том, произошла ли в самой философии утрата чего-то существенного, что обеспечивало человеку его осмысленное и достойное бытие и на смену чему пришло психологическое замещение?

Взаимоотношения этики и психологии, а в более широком контексте – философии и психологии, носят давний, глубокий и многомерный характер. Сегодня наблюдается новый виток этих взаимоотношений, который обусловлен новой фазой *антропологического кризиса*, отстраняться от которого ни этика, ни психология просто не имеет права. По словам В. П. Зинченко: «Психология должна осознать душевный кризис с тем, чтобы потом вернуться к душевному делу, которым она когда-то занималась»⁴⁸. Или более жесткие слова того же автора: «Если академическая психология не сделает решительных шагов в сторону практики, последняя вообще уйдет от психологии, от чего проиграют обе»⁴⁹.

«Душевный кризис» – это одновременно и кризис в самой психологии, утратившей «душу» как главную предметную субстанцию своей науки, и кризис самой культуры, также утратившей душу, которая, по мысли А. Швейцера, есть ни что иное, как *этика*. Кроме этого, существенным аспектом данной проблемы является общая ситуация в области психического здоровья современного человека, которое продолжает оставаться весьма тревожным: «Примерно 70% россиян постоянно находятся в состоянии стресса, а треть всего населения – в состоянии сильного и затяжного стресса. Ритм жизни человека в современном обществе оставляет ему все меньше и мень-

⁴⁷ Хайдеггер М. Гегель и греки // М. Хайдеггер / Время и бытия: Статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – С.381.

⁴⁸ Зинченко В.П. Психология на качелях между душой и телом // Психология телесности между душой и телом. – М. : АСТ, 2007. – С.33.

⁴⁹ Зинченко В.П. Тело как слово, образ и действие // Человек. 2010. №2. – С.34.

ше времени на проведение комплекса восстановительных процедур»⁵⁰. Совершенно очевидно, что остро-болезненную ситуацию, связанную с запущенным состоянием психического здоровья, не решить одними только психологическими мерами. Нужна целостная оздоровительная программа, в которой этический компонент занимал бы существенное место.

Иными словами, сегодня как никогда актуальна *реализация глубинных взаимосвязей этики и психологии*, которая может способствовать выработке целостной антропологической парадигмы, в которой нуждается и общество, и отдельные люди. Для того, чтобы эта реализация была продуктивна, необходимо рассмотреть ключевые точки соприкосновения этики и психологии, а также, не мене ключевые линии их расхождения, обусловленные различным антропологическим статусом этих дисциплин. Это необходимо для того, чтобы осознать *границы этики и психологии в подходах к человеку*, иначе, необходимо понять, на что может претендовать этика, и соответственно, психология, а на что нет.

В историко-философской проекции взаимодействие этики и психологии представляется возможным рассматривать с различных углов зрения. Так, одна из наиболее распространенных точек соприкосновения этики и психологии проходит по линии *психологии морали*. Если этика занимается оценкой нравственного мотива, то причины возникновения мотивов поведения могут изучаться психологией. И здесь имеется богатое поле для плодотворного сотрудничества, равно имеющего отношение как к истории и теории этики, так и к психологии.

При исследовании исторических форм становления психологии выявляется *этико-философский исток психологии*. Учение о душе, то есть о специфических человеческих свойствах изначально принадлежит Аристотелю. В дальнейшем произошла автономизация научной психологии, которая выделилась в самостоятельную область исследования, которая, однако, вышла именно из «этико-философского лона». По словам Э. Фромма, выделение психологии из этики произошло сравнительно недавно.

Безусловно, огромный и важный пласт соприкосновения этики и психологии имеет место в *психоэтике*, то есть в сфере профессиональной этике психолога. Здесь речь идет, прежде всего, об этике психологического эксперимента. Возникающая этическая проблематика именно в психологическом эксперименте особенно важна, поскольку здесь испытуемым являются сам человек, и вопросы травмирования психики и возможного унижения человеческого достоинства являются вопросами этического порядка.

Кроме вышеперечисленных «точек» соприкосновения и взаимодействия этики и психологии это пересечение имеет место в *психоанализе, социальной психологии, экзистенциальной психиатрии*, в вопросах *нравственного воспитания личности*. Все это области глубокого междисциплинарного взаимодействия этики и психологии, возможного благодаря тому, что общим «предметом» исследования является человек. Человек – это то, что наиболее сильно объединяет этику и психологию, но вместе с тем, это то, что их наиболее сильно разъединяет, разводя, выражаясь образно, по разные стороны «антропологических баррикад».

Каково же существенное различие этического и психологического *образа человека*, которое не позволяет поставить знак равенства между этикой и психологией, в результате которого происходит вытеснение этики психологией? Такое вытеснение имеет место в современной «массовой психологической культуре», что является проблемой для этико-философского анализа сложившейся ситуации.

Наиболее существенное различие между этико-философским и психологическим воззрением на человека заключается в том, что в этике и в философии человек предстает, прежде всего, как *проблема*, требующая глубочайшей *нравственной рефлексии*, в то время как в психологии человек как таковой проблемой не является, поскольку он воспринимается в своем наличном бытии как нечто естественное и окон-

⁵⁰ Андреев И.Л., Березанцев А.Ю. Взаимосвязь психического и соматического здоровья человека // Человек. 2010. №2. – С.136.

чательное. Соответственно, и различные методы изучения человека, и различные телеологические установки по отношению к его бытийной судьбе.

В строгом смысле говорить о проблеме человека возможно лишь в эτικο-философском, а не психологическом контексте, поскольку именно в философии проблемность человеческого существования тематизирована в качестве онтологического первоисточника самого философствования как такового. Но отсутствие именно такой точки зрения в психологии, которая тоже претендует на определенное целостное понимание человеческой природы, дает нам существенные критерии в понимании того, чем отличается этика от психологии в плане постижения человека.

В своей работе «Бытие и сознание» С. Л. Рубинштейн в разделе «О человеке: проблема личности в психологии» дал наиболее лаконичное и однозначное понимание того, что есть этическое и каково *место этики в психологии*. Он пишет: «Человек – это большая тема мировоззренческого плана и прежде всего этического порядка (при этом этическое для нас никак не сводится к морали в смысле морализирования, в смысле нравоучения со стороны; проблема этического – проблема самой сущности человека в его отношении к другим людям)»⁵¹.

Этика, в понимании С. Л. Рубинштейна наиболее полно и глубоко выражает суть человеческого, так как относится к его сущности. В этом смысле совершенно очевидно, что этика выше психологии в плане постижения человека в его целостности. Для того, чтобы более глубоко осознать это положение, необходимо рассмотреть некоторые существенные различия, которые определяют этический и психологический взгляд на человека.

Важным аспектом рассматриваемой темы является факт *возросшей проблемности человека* в современной философской культуре. Это парадоксальная ситуация, когда баснословный рост различных эмпирических (в том числе и психологических) знаний не дает совершенно никакого прироста в интегральное знание; более того, наблюдается *обратная пропорциональность между количественным ростом фактического знания о человеке и уменьшением качества понимания самого человека*. Налицо *оппозиция философии и науки*, приобретающая в современной культуре новое измерение. Глобальный антропологический кризис, который возник в ситуации гигантского скачка научно-технического прогресса – явное подтверждение этому.

Одним из первых западноевропейских философов XX века, в полной мере осознавшим данную ситуацию, был М. Шелер. В своей работе «Положение человека в космосе» он так описывает сложившееся положение вещей: «...у нас есть естественно-научная, философская и теологическая антропология, которым нет друг до друга никакого дела, *единой же идеи человека у нас нет*. Кроме того, возрастающие в числе специальные науки, занимающиеся человеком, как бы ценны они ни были, больше *скрывают сущность человека, чем проясняют ее*». В итоге, говорит Шелер, «...еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время»⁵².

Комментируя эти слова Шелера, Э. Кассирер высказывает не менее существенные мысли: «Такова странная ситуация, в которой находится современная философия. Никогда ранее не было таких благоприятных возможностей познания, таких разнообразных источников наших знаний о человеке. Психология, этнография, антропология и история собрали поразительно богатую и постоянно растущую массу фактов». Но, как говорит Кассирер, богатство фактов – еще не богатство мыслей: «ведь даже если мы соберем и скомбинируем все данные о человеке, мы все равно получим лишь бедную и фрагментарную – словно туловище без головы и ног – картину человеческой природы»⁵³.

⁵¹ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб. : Питер, 2003. – С.268.

⁵² Шелер М. Положение человека в космосе // Избранные произведения. – М. : Гнозис, 1994. – С.133-134.

⁵³ Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С.26, 4.

Человек как целое ускользает от исследовательского взгляда. Иными словами, психологическое изучение человека, как и всякого другого, основанное на эмпирической основе, не способствует росту философского знания (то есть понимания) того, что есть человек. Весьма примечательно то, что в послесловие к знаменитому сборнику «Проблема человека в западной философии» (1988) П. С. Гуревич писал: «Что такое человек? В чем его природа, сущность, предназначение? От чего зависит смысл и ценность человеческой жизни? Каковы кардинальные проблемы человеческого существования? Как складываются судьбы гуманизма сегодня? В чем специфика философского постижения человека? Эти и другие аналогичные вопросы, определяющие содержание философско-антропологической мысли, находятся сегодня в центре внимания многих ученых»⁵⁴.

Вопросы, несколько странные для любой иной науки о человеке, кроме философии. Но именно в этом и заключен уникальный, *проблемный взгляд на человека*, который со временем не исчезает, а становится еще острее и напряженнее. Размышления Х. Плеснера, А. Гелена, Х. Ортеги-и-Гассета, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, Э. Финка, Г. Марселя и др. наглядно подтверждают это. Совершенно очевидно, что такой, проблемный взгляд философии на человека в корне отличается от взгляда психологии. Не вдаваясь в углубленное рассмотрение предмета психологии, можно отметить такие ее инвариантные характеристики, как исследование *природы сознания* и исследование *поведения*, которые воспроизводятся на всем исторически известном периоде ее существования. При этом исследование психики, которая, как правило, ассоциируется с сознанием, является приоритетным. Современный американский историк психологии Т. Лихи подтверждает эту мысль в следующих словах: «Сейчас, на протяжении последнего десятилетия – настоящей эпохи мозга – надежды первых психологов на физиологию заслуживают уважения. Они надеялись, что психологические процессы можно связать с физиологическими, но затем, на протяжении почти всего XX века, психология отошла от физиологической ориентации. Однако сегодня, вооружившись новейшими методиками исследования мозга, психологи вернулись к исходным поискам»⁵⁵.

В этом сущность научной психологии, занимающейся сознанием, начала которой было положено В. Джемсом в его книге «Научные основы психологии», американский философ и психолог трактует психическую деятельность человека в терминах «поток сознания», в котором доминирующую роль играют волевые и эмоциональные начала. Наиболее важная роль в сознании принадлежит инстинктам и эмоциям, поскольку посредством последних человек приспосабливается к окружающей среде⁵⁶. С. Л. Рубинштейн, критикуя интроспективную психологию, которая определяла психическое как явление сознания, связывал психическое с *деятельностью*, которая проявляется в *поведении*. Тем самым, сознание индивида как бы «размыкается» не только к предметному миру, но вместе с тем и по отношению к общественному сознанию»⁵⁷.

Сознание оказывается опосредованной общественной сущностью и социальной деятельностью. Л. С. Выготский выразил сущность этого подхода весьма лаконично: «Психику следует понимать как особо сложные формы структуры поведения»⁵⁸. В такой же тональности говорит А. Н. Леонтьев: «Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания»⁵⁹. Однако, в данном случае речь идет лишь о смене содержания сознания, при удержании его в качестве главного предмета психологии. В любом случае, как бы ни понимать сознание, с чем бы его не связывать, оно не исчерпывает всей полноты человеческого бытия. В этом проявляется принцип

⁵⁴ Гуревич П.С. Человек как объект социально-философского анализа // Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988. – С.504.

⁵⁵ Лихи Т. История современной психологии. – СПб. : Питер, 2003. – С.13.

⁵⁶ Джемс У. Научные основы психологии. – М. : Харвест, 2003. – 528 с.

⁵⁷ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2007. – С.17-18.

⁵⁸ Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М. : Педагогика, 1991. – С.65.

⁵⁹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1977. – С.157.

антропологической редукции, который становится наиболее существенным *методом психологии*, к какому бы направлению она не принадлежала.

Антропологическая редукция создает *образы человека в психологии*, которые являются для нее основополагающими. А. Г. Асмолов отмечает, что в психологии в течение многих лет сформировалось несколько образов человека:

- человек ощущающий;
- человек как вместилище нужд, инстинктов, потребностей;
- человек как система реакций, человек реагирующий;
- человек-деятель⁶⁰.

Все эти образы говорят о том, что психология имеет дело всегда с какой-то частной характеристикой человека (ощущения, инстинкты, потребности, деятельность и т. д.), которая детерминируется его эмпирическими свойствами, никогда не достигая целостного образа; возможно и не ставя даже вопрос о целостности человеческого бытия. В этом контексте понятие «личность» в отличие от понятия «человек» позволяет избежать целостности, сконцентрировавшись на какой-либо частности, «осколочном» признаке человека.

Если обратиться к философскому пониманию этики, то, так же не вдаваясь в углубленное рассмотрение предмета, можно все же определить некоторые сущностные черты, в которых проявляется отличие этики от психологии. В. П. Фетисов воспринимает *мораль как бытийное явление*, в которой заключена самая главная сущность жизни. В книге «Философия морали. Тоска по русскому аристократизму» он пишет: «В морали есть что-то настолько важное для бытия, что не позволяет рассматривать ее только лишь как одно из свойств общества или личности. Она выражает специфику и сущность самой человечности». Из этого следует нравственная сущность философии, которая «вопросует, как жить человеку в этом мире и какой образ жизни благороднее и возвышеннее. Вот этим поиском нравственно-благородных способов восприятия жизни во всех ее конкретных проявлениях и должна заниматься философия морали»⁶¹.

Другой современный философ В. Малахов в работе «Три этики: к типологии этического сознания» стремится дать «целостное представление этического сознания как такового». Выделенные им три типа этики отражают фундаментальную инвариантную сущность предмета этики, каковым, согласно автору выступает «неистребимая человеческая нравственность». Первый тип этики философ называет «*этикой благой жизни*», которая укоренена в античной традиции с ее идеалами созерцаемой целостности и гармонического устройства бытия; второй тип – «*этикой долга*», нашедшей наибольшее воплощение в кантовской моральной философии; третий тип – «*этикой призвания*», основанной на диалогической философии призвания и ответственности.

Все три типа этики объединены тем, что обращают жизнь человека к чему-то большему, чем он сам. Целостность человеческого бытия свершается в предстоянии некоей абсолютной нравственной инстанции, которая наполняет жизнь истинным смыслом. Особенно сильно это проявляется в этике призвания, которая становится *этикой жертвенности*, «...смирения, терпения, не знающих усталости и не помнящих о себе сострадания, милосердия, любви. Этику, обходящуюся без всеобщих правил и прецедентов, свершаемую тихим решением сердца. Этику, вопреки страху неосуществления и тяжести невыполненных долгов, дарующую трудную легкость пробуждающегося доверия к миру»⁶².

Этих упоминаний современных философов, рефлектирующих над сущностью этики, вполне достаточно, чтобы понять, что первое (и, пожалуй, главное) различие

⁶⁰ Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл, 2001. – С. 59-60.

⁶¹ Фетисов В.П. Философия морали. Тоска по русскому аристократизму // В.П. Фетисов / Солнце не заходит. Труды по нравственной философии. – Воронеж: ВГЛТА, 2011. – С.14, 15.

⁶² Малахов В. Три этики: к типологии этического сознания / Виктор Малахов // Уязвимость любви. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – С.127.

между этико-философским и психологическим образами человека проходит по линии *часть/целое*. Чему бы не посвящала себя психология (сознанию, психическим процессам, мотивациям, эмоциям, когнитивным способностям и т. д., это всегда лишь часть человека, в то время как философию волнует человек как целое. Бинарная, дуалистическая антропология, основанная на психофизическом параллелизме – основания психологии; и, если так можно выразиться, «антропология тайны», в которой человек есть искомое самого себя – основания этики и философии.

Исходя из этого, следует еще одно существенное различие в отношении к человеку, сложившемуся в этике и психологии. Оно основывается на том, что если психология озабочена *сущим*, то этика – *должным*. «Сущее психологии» – это наличное состояние человека в его естественных характеристиках; «должное этики» – это предельно искомое, идеальное состояние человека – то, каким он должен быть, а не каким является. В этом смысле этика заставляет человека совершать нравственно-волевое усилие по преобразованию своего наличного состояния в сторону должного, в то время, как психология такой задачи не ставит и не может ставить.

Весьма интересные и продуктивные мысли относительно соотношения сущего и должного, что является демаркационной линией, разделяющей этику и психологию, высказали Ю. А. Шрейдер и Н. Л. Мухелишвили в дискуссии, посвященной отношениям психологии и этики. Ю. А. Шрейдер поставил под сомнение вообще возможность взаимоотношения этики и психологии, исходя из их глубинных методологических и онтологических противоречий: «А есть ли такое взаимоотношение? Ведь в принципе они противоречат друг другу. Это парадоксально, но это факт. Психология построена на том, что человек действует, думает, чувствует, развивается по некоему Закону, на основе которого можно извне направлять, детерминировать путь человека. Этика же исходит из противоположной установки – свободы воли: только тогда и становится возможным сам этический поступок. Поступок возникает ни почему, как свободный акт воли. Этика основывается на том, что я делаю так, как хочу – потому, что мне так хочется. А психология изучает именно то, что же мне хочется.

Это не отрицание психологии, это различение ее с этикой. Психология показывает, как происходит этическое поведение: какие механизмы приводят к ощущению трудности поступка, что в человеке сопротивляется ему, какие механизмы приводят к отказу от поступка. А этика по своей сути антипсихологична. Как ее не волнует. Ее интересует содержание поступка, а не психологический фон. Именно поэтому в жизни этическое призвано контролировать психологическое. Так и должно быть, а не наоборот. Это самое главное»⁶³.

Иными словами, в психологии человек берется в своем наличном состоянии вне этической доминанты, на основании чего делает вывод, что это и есть *весь человек*, что таков человек по-преимуществу. Этика существует за счет «механизмов» духовно-нравственного восхождения от *сущего к должному*; психология же ограничивает свое изучение человека исключительно *сферой сущего*. С точки зрения психологии идеальные проявления должного есть не что иное как «сублимация» и т. д., то есть процессы, происходящие в сфере сущего.

Ю. А. Шрейдер указал на весьма существенную разницу между этикой и психологией, разницу, которая делает психологию (по крайней мере, в ее сегодняшнем виде) довольно сомнительной наукой постижения человека, его внутреннего мира, его уникальности и своеобразия именно как человека, а не как биопсихического механизма. Философ спрашивает: «способна ли психология решать вопрос о том, каким должен быть человек или что есть должное для человека? Нормальная (т.е. еще не нравственная) психология изучает человека таким, каким он есть – каковы его стремления, мотивы, побуждения и т. п. Когда в поле зрения такой психологии попадают этические проблемы, то они редуцируются к психологическим ситуациям и этим как бы снимаются. Эта редукция особенно четко прослеживается в психоанализе, но она потенциально присутствует в любых попытках объяснения морали путем

⁶³ Психология и этика: уровни сопряжения // Психология и этика: опыт построения дискуссии. – Самара: БАХРАХ, 1999. – С.25.

перевода этического на язык психологии. В этом смысле психология внеэтична, а этика – антипсихологична»⁶⁴.

Непримиримость этики и психологии лежит также в несовпадении взгляда на природу морального выбора: «Способность совершать моральный выбор, поступать морально в ситуации морального выбора предполагает наличие у субъекта свободной воли. Психология же обычно исследует детерминацию человеческих решений. Можно ли одно с другим совместить или как-то приладить друг к другу? Один из выходов состоит в том, чтобы считать свободу существующей лишь с точки зрения субъекта. Иначе говоря, свести феномен свободы к субъективному переживанию личной ответственности. Этот путь оставляет вне психологического рассмотрения целый пласт этических учений и, прежде всего, христианскую этику. Не лучше ли отказаться от совмещения и прилаживания, но рационально поделить сферы влияния». Из этого следует вывод, что психология не обязана объяснять феномен морального поведения, но она может исследовать со своей точки зрения этот феномен, выделяя в нем психологические компоненты.

Далее следует более существенная дифференциация этики и психологии: «Если этика учит, как должно поступать, то на долю психологии остается собственная задача – выяснить мотивации и динамику недолжных поступков»⁶⁵. Иными словами этика *предписывает должное*, психология *описывает сущее*; в одном случае речь идет об идеалах, в другом – о мотивах. *Идеал* и *мотив* – вот еще одна линия несовпадения этического и психологического воззрения на человека.

Отсюда следует вывод, что развитие психологии поступка не сделает эту науку этической, а этику психологичной: «Этика дает свои рекомендации, не считаясь с психологией (в том-то и состоит ее антипсихологичность... Психология не этична, – именно потому, что она обязана исходить из того, что субъекту свойственно нарушать этические рекомендации ли, по меньшей мере, желать этого». Итак, *этика антипсихологична, а психология – внеэтична*; таков вывод, исходящий из базовых методологических и сущностных характеристик этики и психологии.

Психология, таким образом, направлена на исследование мотивов поведения, рассматривает человека в его редуцированном виде, и ее целью является решение конфликтных ситуаций, и в итоге – приспособление человека, прежде всего, к социальной действительности. Это приспособление может также означать и «реализацию возможностей», то есть психологическое раскрытие личности. Философская этика озадачена бытийными вопросами, вопросами о смысле бытия и смысле, прежде всего, конечного человеческого существования. Это различие чувствуется на всех уровнях. Даже наиболее этически ориентированная психология – гуманистическая психология Э. Фромма, который «на протяжении всей жизни сохранил верность антропологической теме» (П. С. Гуревич), остается приверженной фундаментальным заданиям психологии как таковой. Фромм пишет в предисловии к своей книге «Человек для самого себя», которая имеет подзаголовок «Введение в психологию этики»: «В этой книге я рассматриваю проблемы этики, норм и ценностей, которые ведут человека к самореализации и осуществлению его возможностей»⁶⁶.

Разность онтологических (не антропологических, поскольку как в случае Э. Фромма психология может быть существенно развернута к человеку) позиций этики и психологии говорит о радикальном несовпадении их концептуальных матриц. Не только цели и задачи оказываются различными, но сам взгляд на человека и его сущность. Это не означает, что диалог и взаимодействие этики и психологии невозможны в принципе; как раз наоборот возможны, но только лишь в том случае, если психология не станет претендовать на роль, присущую этике, иными словами не станет подменять этику. *Психологизация этики и антропологии*, а в целом *общества и культуры*, которое стало, по словам В. М. Розина, «психологически ориентирован-

⁶⁴ Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Есть ли у психологии точки соприкосновения с этикой? // Психология и этика: опыт построения дискуссии. – Самара: БАХРАХ, 1999. – С.50.

⁶⁵ Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Там же, – С.52.

⁶⁶ Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. Республика, 1993. – С.19.

ным обществом», состоящим из людей, «верящих в психологию и обращающиеся к психологам»⁶⁷ – реальность сегодняшнего времени, которая, увы, не способствует ни более глубокому постижению человеку, ни духовно-нравственному и психологическому его оздоровлению. В этом контексте необходимо ставить вопрос о переориентации общественного сознания с психологизации этики и культуры на этизацию психологии и культуры, что соответствует истинной иерархии ценностей.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Гегель и греки / М Хайдеггер // *Время и бытия: Статьи и выступления.* – М. : Республика, 1993.
2. Зинченко В.П. Психология на качелях между душой и телом // *Психология телесности между душой и телом.* – М. : АСТ, 2007.
3. Зинченко В.П. Тело как слово, образ и действие // *Человек.* 2010. №2. С.34.
4. Андреев И.Л., Березанцев А.Ю. Взаимосвязь психического и соматического здоровья человека // *Человек.* 2010. №2.
5. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – СПб. : Питер, 2003.
6. Шелер М. Положение человека в космосе // *Избранные произведения.* – М. : Гнозис, 1994.
7. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // *Проблема человека в западной философии.* – М. : Прогресс, 1988.
8. Гуревич П.С. Человек как объект социально-философского анализа // *Проблема человека в западной философии.* – М. : Прогресс, 1988.
9. Лихи Т. История современной психологии. – СПб. : Питер, 2003.
10. Джемс У. Научные основы психологии. – М. : Харвест, 2003. – 528 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2007.
12. Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М. : Педагогика, 1991.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1977.
14. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. – М. : Смысл, 2001. – С. 59-60.
15. Фетисов В.П. Философия морали. Тоска по русскому аристократизму // В.П. Фетисов / *Солнце не заходит. Труды по нравственной философии.* – Воронеж: ВГЛТА, 2011.
16. Малахов В. Три этики: к типологии этического сознания // Виктор Малахов / *Уязвимость любви.* – К. : ДУХ І ЛІТЕРА, 2005.
17. Психология и этика: уровни сопряжения // *Психология и этика: опыт построения дискуссии.* – Самара: БАХРАХ, 1999.
18. Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А. Есть ли у психологии точки соприкосновения с этикой? // *Психология и этика: опыт построения дискуссии.* – Самара: БАХРАХ, 1999.
19. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. Республика, 1993.
20. Розин В.М. Личность и ее изучение. – М. : Едиториал УРСС, 2004.

PROBLEM OF HUMAN BEING IN ETHICS AND PSYCHOLOGY

S.V. VARAVA

*Voronezh Forestry
Academy*

*e-mail:
varava31@gmail.com*

This article concerns the problems of the relationship of ethics and psychology as disciplines that claim to leadership in the anthropological culture. In this context, the methodological and ontological foundation of ethics and psychology are examined, the features of their similarities and differences are considered in the paper. It is shown that the main problem of human being poses and solved differently in these anthropologically similar disciplines.

Key words: ethics, psychology, mass psychological culture, philosophy, anthropology, mental processes, consciousness, meaning of life.

⁶⁷ Розин В.М. Личность и ее изучение. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С.149.